

И. Р. Николаев

Культурно-исторический центр «Светоч», г. Москва, Российская Федерация

Прибрежный культурный ландшафт: история и теория концепции

Статья посвящена адаптации зарубежной концепции прибрежного культурного ландшафта, её интерпретации с позиций информационно-аксиологического подхода и возможности рассмотрения прибрежных культурных ландшафтов как комплексных объектов культурного наследия.

В вводной части статьи обосновывается актуальность введения научной концепции, её место в текущих исторических, археологических и культурологических исследованиях. Целью исследования стало выявление основных постулатов и наработок в области изучения культурного ландшафта в контексте морского и речного наследия, определение пути применения международного опыта в отечественной научной среде.

Рассматривается краткая история формирования концепций, объединяющих культурный ландшафт и водную среду. Среди таковых концепции прибрежного культурного ландшафта, морского пейзажа, отечественные подходы, затрагивающие изучение водной среды. Приоритетной для изучения избрана концепция прибрежного культурного ландшафта, созданная шведским исследователем Кристером Вестердалем, как наиболее разработанная и активно применяемая в зарубежных исследованиях морского и подводного культурного наследия.

В работе представлены как оригинальные аспекты теории прибрежного культурного ландшафта, разработанные Кристером Вестердалем, так и аспекты, разработанные в ходе адаптации подхода и его переноса в контекст изучения историко-культурного наследия. Выявлены и разработаны определение термина «прибрежный культурный ландшафт», его структурное содержание, способы зонирования и определения границ комплекса. Выполнены и предложены схемы, отражающие структуру, определяющую подходы к зонированию историко-культурных комплексов.

В заключении представлены перспективы дальнейших исследований – потенциальные теоретические вопросы, актуальные для применения подхода в России, историко-культурные комплексы, где возможно применение концепции.

Ключевые слова: морское наследие, речное наследие, прибрежное сообщество, подводное культурное наследие, прибрежный культурный ландшафт, морской культурный ландшафт, культурный ландшафт,

информационно-аксиологический подход, подводная археология, Кристофер Вестердаль.

Благодарности: автор благодарит профессора Кристофера Вестердаля за активную информационную поддержку в ходе подготовки статьи.

I. R. Nikolaev

Svetoch, Cultural and Historical Center, Moscow, Russian Federation

Maritime Cultural Landscape: History and Theory of the Concept

This article is devoted to the adaptation of the foreign concept of the Maritime cultural landscape, its interpretation from the standpoint of information-axiological approach and the possibility of considering maritime cultural landscapes as complex objects of cultural heritage.

In the introductory part of the article, the relevance of the introduction of the scientific concept, its place in the current historical, archaeological and cultural studies are given. The aim of the study was to identify the main tenets and developments in the study of cultural landscape in the context of sea and river heritage, to form ways to apply international experience in the domestic scientific environment.

We consider the history of formation of concepts that combine the cultural landscape and the aquatic environment. The concept of the Maritime cultural landscape, created by the Swedish researcher Christer Westerdahl, as the most developed and actively used in foreign studies of maritime heritage, was chosen as a priority for the study.

The paper presents both the original aspects of the theory of the coastal cultural landscape, developed by Westerdal, as well as the aspects developed during the adaptation of the approach and its transfer to the context of studying the heritage. The definition of the term "Maritime cultural landscape", its structural content, methods of zoning and defining the boundaries of the complex are identified and developed.

In conclusion, the prospects for further research are presented – potential theoretical issues that are relevant for application of the approach in Russia.

Keywords: Maritime heritage, fluvial heritage, coastal community, underwater cultural heritage, maritime cultural landscape, coastal cultural landscape, cultural landscape, information-axiological approach, underwater archaeology, Christer Westerdahl.

Введение. В течение последних двух десятилетий исследования в области морского, речного и подводного культурного наследия (далее – МРПKN) получили устойчивое развитие. Стратегия раз-

вития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года¹ отмечает необходимость изучения и сохранения морского наследия, аспекты которого включают объекты, относящиеся к наследию внутренних вод и находящиеся под водой [1, с. 145–146]. Такая же тенденция заметна и в международных документах, ключевым примером которых стал доклад о важности сохранения морского и речного культурного наследия, изложенный Эдвардом О’Хара в Совете Европы в 2000 году².

Исследования МРПKN исторически тесно связаны с процессом обнаружения объектов наследия и, соответственно, археологией. Особенно это заметно в отношении подводной археологии, или гидроархеологии. Исследования в её области ощущают прилив научного интереса, о чем свидетельствуют попытки внедрить образовательные программы [2], увеличивающееся число исследовательских объединений, организация тематических блоков на конференциях и иная академическая активность.

Ванглоязычной среде распространено понятие *Maritime archaeology*, или морская археология. Прежде всего она включает подводную археологию, но дополнительно – исследования на тему культуры, традиций, деятельности человека, связанных с водоемами [3, р. 6]. В России тематические археологические исследования фокусируются на преимущественно подводных объектах, зачастую исключая из контекста исследований наземное и прибрежное морское наследие. Объекты подводной археологии высоко значимы, но зачастую их рассматривают как обособленные комплексы с акцентом на материальной культуре, без учета социокультурного контекста [4; 5].

Комплексным решением на стыке истории, археологии, культурологии, географии и ряда других дисциплин стала концепция культурных ландшафтов. Морское наследие, в свою очередь, подразумевает включение «морского культурного ландшафта» [1, с. 146], однако данная формулировка ранее не раскрывалась отдельными исследованиями. За рубежом в то же время продолжа-

¹ Об утверждении Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 08 декабря 2010 года №2205-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902250877> (дата обращения: 20.05.2020).

² О’Хара Э. Морское и речное культурное наследие, Доклад Совета Европы от 12 октября 2000 года № 8867. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902018839> (дата обращения: 20.05.2020).

ет развиваться концепция *Maritime cultural landscape*, семантически верной адаптацией которой является формулировка «прибрежный культурный ландшафт».

Оригинальная зарубежная концепция способствует интеграции подводных и наземных данных, что ведет к лучшему пониманию МРПКН. Особенно это важно для исследований речного наследия – внутренние воды и их прошлое редко становятся объектом изучения, несмотря на актуальность подобных исследований, обусловленных как исторически, так и потенциалом перспективного развития.

Данная статья ставит своей целью выявить теоретические основы и наработки в области изучения культурного ландшафта в контексте МРПКН, адаптировать международный опыт для применения в отечественной научной среде. Задачами исследования выступили анализ истории формирования концепций, связанных с культурными ландшафтами, во взаимодействии с водной средой, обоснование выбора в качестве основы исследования концепции Кристера Вестердаля, формирование подхода с позиции изучения наследия и связанного с подходом определения, выявление структурных элементов прибрежного культурного ландшафта, определение подхода к зонированию.

Методы исследования, теоретическая база. Основным методом был избран контент-анализ в сочетании с историко-генетическим и сравнительным методами. В ходе исследования рассматривались зарубежные и отечественные научные работы, посвященные тематике культурных ландшафтов. Автором представлен ретроспективный анализ исследований, затрагивающих культурные ландшафты в контексте подводной и прибрежной зоны, выделяются ключевые для истории формирования подхода даты.

В ходе исследования автором текущей работы поддерживалась связь с автором оригинальной концепции Кристером Вестердалем с целью уточнений теоретических положений и точности их адаптации.

Результаты исследования и их обсуждение

История формирования концепций культурного ландшафта в контексте водной среды

Основной концепцией, рассматривающей культурный ландшафт во взаимосвязи с водным пространством и прибрежными культурами, стало понятие *Maritime cultural land scape*, предложенное и разрабатываемое по сей день шведским исследователем Кри-

стером Вестердалем. Он разрабатывал концепцию начиная с конца 70-х годов XX века [6, р. 735–736], впервые опубликовав труды на немецком языке в 1986 году [7, р. 7–8] и на английском в 1992 году [8, р. 5]. В дальнейшем исследователь опубликовал около десятка статей, развивающих концепцию и раскрывающих новые грани в этом направлении.

На момент формирования основных идей подхода Вестердаля зарубежная морская археология фокусировалась на систематических исследованиях кораблекрушений [3, р. 14–22]. Подобное сужение исследовательского поля не учитывало прибрежную зону, наземные останки, относящиеся к МРПKN.

Концепция Вестердаля объединила объекты культуры как на суше, так и под водой [8, р. 5], что на тот момент европейские исследователи признали новаторским [9, р. 164; 10].

С момента зарождения концепция претерпела значительные изменения. Термин, впервые упомянутый в диссертации магистра в 1978 году и опубликованный на немецком языке в 1986 году, включал в себя *«всю сеть старых и новых судовых маршрутов, включая порты на побережье, а также объекты и следы человеческой деятельности, принадлежащие этому комплексу»* [7, р. 7].

В англоязычной статье 1992 года исследователь уточнил формулировку термина. Обновленный вариант включил в себя *«совокупность сети судовых маршрутов с прибрежными портами, убежищами и гаванями, а также связанные с ними сооружения и другие остатки человеческой деятельности, как подводные, так и наземные* [8, р. 6]».

В настоящее время подход активно применяется при исследованиях культурного и археологического наследия прибрежных сообществ в Северо-Западной Европе, США, Индии, Западной Африке [6, р. 750–752], Чили [11].

Существует альтернативный подход к интерпретации прибрежных материальных и нематериальных культурных свидетельств, называющийся *Seascape*, в переводе на русский *Морской пейзаж*. Бен Форд в книге *«The Archaeology of Maritime Landscapes. When the Land Meets the Sea»* выделил два основных понимания морского пейзажа [12, р. 4]. «Истинный» морской пейзаж, по мнению Форда, «построен из факторов, которые позволяют человеку чувствовать свое местоположение вне поля зрения Земли. Эти факторы могут включать звезды, течения, волны, птиц, ветры, облака и фосфо-

ресценцию». Таким образом, основой морского пейзажа в подобном подходе становится ментальная карта и связанные с ней факторы.

Более популярная трактовка увидела свет в работах исследователей в журнале «Мировая археология» в 2003 году [13; 14]. Основной идеей концепции является вопрос интерпретации человеком моря с суши и, наоборот, суши с моря. Исследователи также указывают на необходимость рассматривать физические аспекты ландшафта и местности, окружение – течение, топографию морского дна, частоту приливов и отливов, сезонные изменения, ветры [13, р. 324], однако наиболее выделяемым аспектом отмечают именно социальный контекст и вопрос восприятия.

Практические исследования, использующие вышеупомянутые теоретические подходы, зачастую рассматривают возможности каждого из подходов до начала практического исследования. В подобных работах встречаются собственные интерпретации концепций, зависящие от задач исследователя. Так, одно из недавних исследований, посвященное Северной Патагонии, утверждает, что обе концепции ограничены в вопросах внутренних вод, и предлагает название «Водный культурный ландшафт» – *Aquatic cultural landscape* – как более инклюзивное [11, р. 204]. Сама статья тем не менее не вносит серьезных методических изменений и базируется в основном на подходах Вестердаля.

В России тема культурного ландшафта неоднозначна и активно развивается исследователями. Подходы к исследованиям разнятся [15, с. 14; 16, с. 153], но подводное пространство вкупе с затопленными объектами наследия не рассматривается. Несмотря на проработанность термина в ряде областей науки, как заметил исследователь Владимир Каганский, связь культурного ландшафта с водным пространством не подмечается должным образом [17, с. 64–66].

В составе термина «морское наследие» присутствует «морской культурный ландшафт» [1, с. 146]. Перевод понятия *maritime* как «морской» устоявшийся, но в контексте термина его нельзя назвать полностью верным, так как семантически слово «морской» не включает в себя понятия «речной», «озерный»¹². Слово *maritime*, восходящее к латинскому *maritimus*, не имеет точного перевода на русский

¹ Море. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/words/16309.shtml> (дата обращения: 20.05.2020).

² Море, значения слова. Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/more.html> (дата обращения: 20.05.2020).

язык, так как, помимо значения «морской», оно также включает в себя «судовой» и «относящийся к морю» [3, р. 6].

Формулировка «прибрежный культурный ландшафт» фигурирует в работе Сергея Мозгового [18, с. 38], однако исследователь приводит «прибрежный» ландшафт как дополнение к «морскому», не раскрывая значение данной категории наследия.

В работах отечественных исследователей также встречается термин «акваландшафт» [15, с. 20]. Этот термин, как и «морской культурный ландшафт», обозначает принадлежность к культурным ландшафтам, граничащим с водным пространством.

Прибрежный культурный ландшафт: определение

Подход Вестердаля к интерпретации культурного ландшафта тесно связан с этнологией и культурной географией, что сближает его со сторонниками отечественного этнолого-географического подхода [16, с. 153; 19, р. 7]. Однако в работах Вестердаля отсутствует контекст культурного ландшафта как части всемирного наследия. Причиной этому может служить изначально археологическая направленность подхода и поставленная задача при формировании концепции – объединить находки на суше и под водой [7, р. 8–10].

Приводимое автором настоящей статьи понятие «прибрежный культурный ландшафт» может использоваться как перевод термина Кристера Вестердаля и во многом на нём основывается. Однако также необходимо отметить роль прибрежного культурного ландшафта как комплексного объекта наследия, в связи с чем в данной работе используется информационно-аксиологический подход.

Информационно-аксиологический подход к определению культурного ландшафта активно разрабатывается исследователями из Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Подход определяет культурный ландшафт как результат «совместного произведения человека и природы, представляющего собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информативности» [15, с. 15–16].

Целью данного подхода в контексте прибрежного культурного ландшафта является преодоление дихотомии «Земля – Вода», сложившейся в отечественной гидроархеологии и исследованиях МРПКи. Большого понимания морского наследия можно достичь, синтезировав и интегрировав данные междисциплинарных и междисциплинарных исследований. Впервые данный подход прозвучал и по-

лучил одобрение на Международной научной конференции «Мировые тренды и музейная практика России», проходившей в Российском государственном гуманитарном университете осенью 2018 года [20].

Согласно вышеупомянутому подходу, прибрежный культурный ландшафт следует определять как *природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия водного пространства и человека, его социокультурной, хозяйственной деятельности, сопутствующих данной деятельности явлений и включающий материальные и нематериальные сочетания взаимосвязанных природных и культурных компонентов на земле и под водой.*

Разница в интерпретации культурного ландшафта исследователями неизбежно ведет к вопросу: где находится граница между наземным и прибрежным культурным ландшафтами? Есть ли она вообще или прибрежный культурный ландшафт является частью классического культурного ландшафта? Неизбежно, на взгляд автора, и формирование нескольких подходов, в зависимости от задач исследователей и их научных взглядов на проблему. Прибрежный культурный ландшафт может трактоваться и как часть культурного ландшафта в целом, и как независимая дефиниция, дополняющая классическое понятие.

Структура прибрежного культурного ландшафта

Прибрежный культурный ландшафт включает в себя ряд составных элементов, совокупность которых образует исследуемый комплекс. В процессе развития теории и методологии прибрежного культурного ландшафта Вестердаль описал и со временем трансформировал свои взгляды на структурное наполнение культурного ландшафта.

В ранних работах исследователь выделяет основные «категории источников ландшафта», куда относит материальные и нематериальные аспекты, свидетельствующие о морской культуре: кораблекрушения, останки прибрежной инфраструктуры, топонимику и т. д. [8, р. 7–9] Позднее он систематизировал составляющие объекты и привел их к шести «типам ландшафтов»: экономический (хозяйственный), транспортный (коммуникативный), ресурсный, территориальный, когнитивный (ассоциативный) и ритуальный [21, р. 339].

Деление прибрежного культурного ландшафта на отдельные типы согласно направлениям деятельности и освоения данного

ландшафта социумом органично согласуется с концепциями сторонников этнокультурного подхода в изучении культурных ландшафтов [22, с. 16–18]. В то же время первый вариант систематизации составляющих элементов ландшафта подходит для выявления и интерпретации комплекса в качестве объекта культурного наследия.

Несмотря на возможные пересечения между составляющими различных аспектов ландшафта, их можно объединить в структуру, включающую как типы ландшафтов, характерные для этнокультурного подхода, так и составляющие объекты наследия. Комплексная структура представлена на схеме 1:

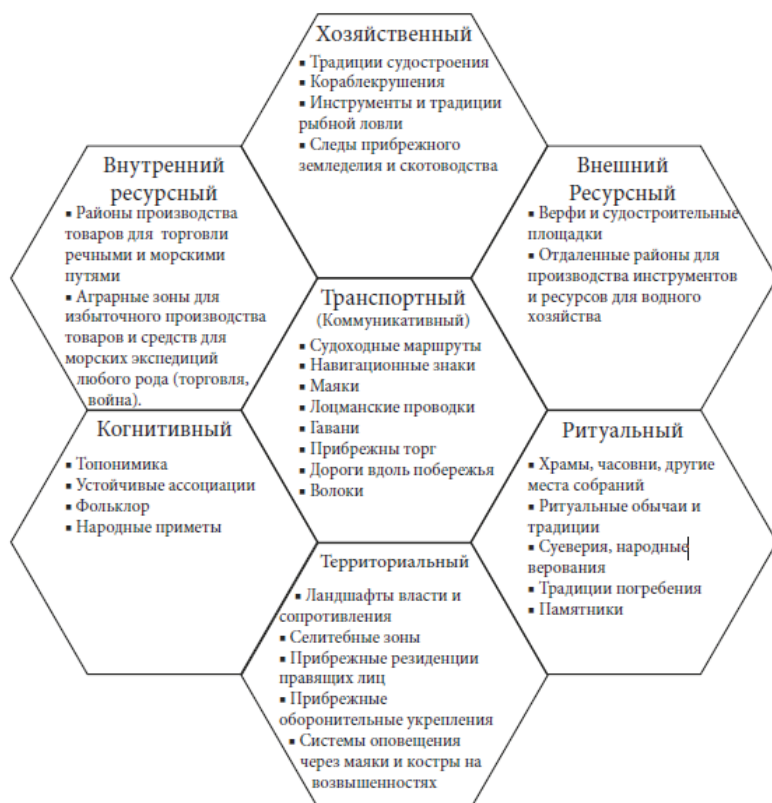

Схема 1. Аспекты прибрежного культурного ландшафта

Аспекты прибрежного культурного ландшафта, выраженные в типах ландшафтов, многозначны и объемны. Комплекс прибрежного культурного ландшафта не обязан включать все типы и предполагает модульность в структуре. В то же время типы ландшафта могут быть настолько объемны, что могут быть самостоятельными предметами исследования.

Наиболее значимы и распространены хозяйственные ландшафты – они возникают благодаря жизнедеятельности прибрежного сообщества. У небольших и изолированных сообществ данный тип ландшафта будет ключевым [6, р. 746]. В качестве хозяйствования понимается не только освоение водного пространства и морские промыслы, но и хозяйственная деятельность в прибрежной зоне – собирательство, охота, рыбная ловля, земледелие, животноводство, включая подходы и инструментарий, необходимые для деятельности. Широта способов и инструментов использования водного пространства обуславливает многообразие материального и нематериального культурного наследия ландшафта, выражающегося как в объектах, применяемых для хозяйственного освоения территории, так и в традиционных формах этого процесса.

Вторым по значимости можно отметить транспортный ландшафт, он же коммуникационный. Он включает в себя как объекты и комплексы, способствующие передвижению и связи между людьми, – гавани, дороги, волоки, маяки, так и знания о способах и методах передвижения – маршруты, лоцманские проводки и иные навигационные аспекты.

Движение и перемещение прибрежных сообществ способствует движению самой культуры, вне зависимости от причин, вызвавших данные перемещения, – будь это климатические изменения, необходимость в продовольствии, торговля, война или иные причины [23, р. 172; 24, р. 285–288].

Внешний и внутренний ресурсные ландшафты в основном представляют собой элементы, направленные на поддержание хозяйственной и мореплавательской деятельности. Внешний ресурс направлен на создание снаряжения, судов и инструментов для организации активности культурного центра, в то время как внутренний занимается хозяйственным обслуживанием этих активностей, а также создает излишки для торговли и иной передачи извне [6, р. 746].

Территориальный ландшафт включает такие факторы, как власть, защита, управление, а также подчинение и сопротивление. В данный аспект входят центры «контроля» сообщества – имения правящих и обладающих иной властью особ, защитные укрепления управляемых территорий и сам подход к управлению прибрежного сообщества, выраженный в социальной стратификации, классовой системе [6, р. 746]. В то же время данный аспект включает и «культуру» неповиновения власти, выражаемую в осознанном сопротивлении государственности этносом или группой этнических меньшинств.

Свидетельства промыслового развития и диалога культур во многом материальны и выражены как в археологических находках, так и в объектах материальной культуры, традиционных для определенной территории или сообществ. Ключевым фактором и связующим звеном при этом является нематериальная составляющая, выраженная в традиционных способах хозяйствования и осмысления территории.

Наиболее специфическими аспектами обладают когнитивный и ритуальный ландшафты. Оба аспекта в первую очередь связаны с осмыслением человеком пространства, нежели физическим воздействием на него.

Когнитивный (ассоциативный) ландшафт во многом переплетается с уже перечисленными аспектами. Проявляясь в топонимике, устойчивом восприятии местности и фольклоре, он несет в себе информацию о прошлом ландшафта, напрямую происходит из мысленного освоения пространства, и его элементы могут являться нематериальным культурным наследием.

Ритуальный ландшафт близок к когнитивному, но, в отличие от него, предполагает действие, а не только мысленное восприятие пространства. В связи с этим к ритуальному ландшафту относятся обычаи, традиции, суеверия. Подобные детали распространены на борту судна, например восприятие «женщины на корабле» как предвестника беды или ритуалы посвящения и инициации, принятые у прибрежных культур.

Аспекты прибрежного культурного ландшафта комплексны и самодостаточны, как и включаемые в них элементы культурного наследия. Объекты культуры в то же время могут относиться к нескольким аспектам, так как возникают в процессе их взаимодей-

ствия или в процессе осмысления или освоения меняют свою первоначальную принадлежность. Примером могут служить объекты, используемые вторично, например корабельная доска, использованная в строительстве, объекты материальной культуры, привезенные извне, в результате торговли, войны или иного рода взаимоотношений, или же особенности градостроения прибрежного поселения, архитектурные формы.

Культура в данном случае тесно взаимосвязана с аспектами ландшафта, в связи с чем определение границ совокупности аспектов прибрежного культурного ландшафта возможно с помощью анализа:

- 1) границы сельской местности, аграрного, лесного, рыболовного хозяйств (хозяйственный и ресурсные аспекты ландшафта);
- 2) границы селитебных территорий, задокументированных личных владений местного представителя власти (хозяйственный, транспортный и территориальный аспекты ландшафта);
- 3) территории, имеющей устойчивое когнитивное значение, ритуальное предназначение (когнитивный и ритуальный аспекты ландшафта).

Дополнительно при интерпретации прибрежного культурного ландшафта применимы подходы к определению значения исследуемого комплекса как потенциального объекта культурного наследия. Это возможно при помощи базовых показателей характеристик: уникальности, разнообразия, репрезентативности, сохранности, аттрактивности, ресурсного потенциала и эдификаторной способности. Применимы дополнительные критерии, такие как автономность, типичность, устойчивость либо, напротив, уязвимость и т. д. [15, с. 44–45].

Заключение. МРПКи призвано изучать все виды человеческих взаимоотношений с водными пространствами, будь это море, река, озеро или иной водоем. Введение термина «прибрежный культурный ландшафт» в научный оборот предоставляет возможность надлежащей актуализации обширных историко-культурных комплексов, а также адаптации международной археологической практики взаимодействия с прибрежными территориями. Концепция способствует формированию региональной идентичности через актуализацию прибрежных ремесел, фольклора, традиций природопользования.

Представленное в статье понятие прибрежного культурного ландшафта, его структурные особенности и подходы к зонированию позволяют не только ввести в поле зрения исследователей новые потенциальные объекты наследия, но и указывают на их комплексность, необходимость изучения в совокупности для углубления раскрытия потенциала и внутреннего наполнения МРПKN.

Перспективы дальнейших исследований со стороны представленной концепции включают два основных направления: теоретические вопросы и практическое применение подхода к историко-культурным комплексам в России. Среди вопросов теории следует выделить дальнейшее уточнение подходов к зонированию культурного ландшафта. Существует вопрос количественного исчисления подобного типа ландшафтов и конкретизация факторов, позволяющих относить комплекс к объектам всемирного наследия. Требуют анализа правовые вопросы, связанные с проведением исследований, охраной и пределами внесения изменений в комплекс, признанный наследием.

Практическое применение в России, по мнению автора, в большей степени возможно и актуально в отношении внутренних вод и их побережий. История российского государства большую часть его существования была сконцентрирована вдали от морского побережья, что обуславливает широкий пласт историко-культурного и археологического наследия у берегов и на дне рек, озер, прудов. Морское побережье представляет интерес – в частности, благодаря многовековым укладам судоходства и судостроения можно выделить побережье Белого моря, территорию Русского Севера и Арктики как одни из наиболее перспективных зон исследования.

Библиографический список

1. Филин П. А., Фоломеева-Вдовина С. Б. Морское наследие России: перспективы сохранения и изучения // Современные производительные силы. 2013. № 2. С. 145–155.
2. Букатов А. А., Фазлуллин С. М. Морское и подводное культурное наследие Крыма в образовательных программах: современное состояние и перспективы развития // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: Ариал, 2019. С. 20–23.
3. Muckelroy K. Maritime Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 284 p.

4. Вопросы подводной археологии. 2015. 71 с.
5. Вопросы подводной археологии. 2016. 99 с.
6. Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape // The Oxford Handbook of Maritime Archaeology / edited by Alexis Catsambis, Ben Ford, Donny L. Hamilton. New York, NY: Oxford University Press, 2011. pp. 773–762.
7. Westerdahl C. Die maritime Kulturlandschaft. Schiffe, Schiffsfahrtswege, Häfen. Überlegungen zu einem Forschungsansatz // Deutsches Schiffsarchiv. 1986. № 9. pp. 7–58.
8. Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape // International Journal of Nautical Archaeology. 1992. vol. 21(1). pp. 5–14.
9. Hunter J. R. “Maritime Culture”: notes from the land // International Journal of Nautical Archaeology. 1994. vol. 23(4). pp. 261–264.
10. Jasinski M. The Maritime Cultural Landscape: An Archaeological Perspective // Archaeologia Polski. 1993. vol. 38. pp. 7–21
11. Lira N. The Maritime Cultural Landscape of Northern Patagonia // Journal of Maritime Archaeology. 2017. vol. 12(3). pp. 199–221.
12. Ford B. Introduction // The Archaeology of Maritime Landscapes. When the Land Meets the Sea / Edited by Ben Ford. New York, NY: Springer, 2011. pp. 1–10.
13. Cooney G. Introduction: seeing land from the sea // World Archaeology. 2004. vol. 35(3). pp. 323–328.
14. Van de Noort R. An ancient seascape: the social context of seafaring in the early Bronze Age // World Archaeology. 2004. vol. 35(3). pp. 404–415.
15. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия, 2004. С. 13–36.
16. Шишкина А. А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 151–157.
17. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
18. Мозговой С. А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник. 2013. № 9. С. 31–40.
19. Westerdahl C. From land to sea, from sea to land: On transport zones, borders and human space // Down the river to the sea / ed. J. Litwin. Gdańsk: Polish Maritime Museum, 2000. pp. 11–20.
20. Николаев И.Р. Прибрежный культурный ландшафт: определение и содержание понятия // Мировые тренды и музейная практика в России : сборник статей международной научной конференции. М.: РГГУ, 2019. С. 241–249.
21. Westerdahl C. Conclusion: The Maritime Cultural Landscape Revisited // The Archaeology of Maritime Landscapes. When the Land Meets the Sea / Edited by Ben Ford. New York, NY: Springer, 2011. pp. 331–344.

22. Калуцков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение. М.: Географический факультет МГУ, 2011. 112 с.
23. Duncan B., Gibbs M. Please God Send Me a Wreck. Responses to Shipwreck in a 19th Century Australian Community. New York, NY: Springer, 2015. 243 p.
24. Miller H.M.L. Comparing Landscapes of Transportation: Riverine-Oriented and Land-Oriented Systems in the Indus Civilization and the Mughal Empire // Space and Spatial Analysis in Archaeology / edited by E.C. Robertson, J.D. Seibert, D.C. Fernandez and M.U. Zender. Calgary: University of Calgary Press, 2006. pp. 281–292.

References

1. Filin P. A., Folomeeva-Vdovina S. B. Maritime Heritage of Russia: Perspectives for Conservation and Exploration. *Sovremennye proizvoditel'nye sily* [Modern productive forces], 2013, no. 2, pp. 145–155 (In Russ.)
2. Bukatov A. A., Fazlullin S. M. Maritime and underwater cultural heritage of Crimea in educational programs: current status and development prospects. *Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual issues of the protection and use of the cultural heritage of Crimea : Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference]. Simferopol', Arial Publ., 2019, pp. 20–23. (In Russ.)
3. Muckelroy K. Maritime Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 284 p.
4. *Voprosy podvodnoj arheologii* [Questions of underwater archeology], 2015, 71 p. (In Russ.)
5. *Voprosy podvodnoj arheologii* [Questions of underwater archeology], 2016, 99 p. (In Russ.)
6. Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape. *The Oxford Handbook of Maritime Archaeology* / edited by Alexis Catsambis, Ben Ford, Donny L. Hamilton. New York, NY: Oxford University Press, 2011, pp. 773–762.
7. Westerdahl C. Die maritime Kulturlandschaft. Schiffe, Schifffahrtswege, Häfen. Überlegungen zu einem Forschungsansatz. *Deutsches Schifffahrtsarchiv*, 1986, no. 9, pp. 7–58.
8. Westerdahl C. The Maritime Cultural Landscape. *International Journal of Nautical Archaeology*, 1992, vol. 21(1), pp. 5–14.
9. Hunter J. R. "Maritime Culture": notes from the land. *International Journal of Nautical Archaeology*, 1994, vol. 23(4), pp. 261–264.
10. Jasinski M. The Maritime Cultural Landscape: An Archaeological Perspective. *Archaeologia Polski*, 1993, vol. 38, pp. 7–21.
11. Lira N. The Maritime Cultural Landscape of Northern Patagonia. *Journal of Maritime Archaeology*, 2017, vol. 12(3), pp. 199–221.

12. Ford B. Introduction. *The Archaeology of Maritime Landscapes. When the Land Meets the Sea* / Edited by Ben Ford. New York, NY: Springer, 2011, pp. 1–10.
13. Cooney G. Introduction: seeing land from the sea. *World Archaeology*, 2004, vol. 35(3), pp. 323–328.
14. Van de Noort R. An ancient seascape: the social context of seafaring in the early Bronze Age. *World Archaeology*, 2004, vol. 35(3), pp. 404–415.
15. Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. Cultural landscapes as a category of heritage. *Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt naslediya* [Cultural landscape as an object of heritage]. Moscow, Institute of Heritage Press., 2004, p. 13–36. (In Russ.)
16. Shishkina A. A. Cultural landscape: basic concepts. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2011, no. 1, pp. 151–157 (In Russ.)
17. Kaganskij V. L. Cultural landscape: the basic concepts in Russian geography. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2009, no. 1, pp. 62–70. (In Russ.)
18. Mozgovoj S. A. Maritime heritage: essence, content, structure. *Morskoy sbornik* [Morskoy Sbornik Magazine], 2013, no. 9, pp. 31–40 (In Russ.)
19. Westerdahl C. From land to sea, from sea to land: On transport zones, borders and human space. *Down the river to the sea* / ed. J. Litwin. Gdańsk: Polish Maritime Museum, 2000, pp. 11–20.
20. Nikolaev I. R. Coastal cultural landscape: definition and content of the concept. *Mirovye trendy i muzejnaya praktika v Rossii: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [World trends and museum practice in Russia: a collection of articles of an international scientific conference]. Moscow, RSUH Press, 2019, pp. 241–249. (In Russ.)
21. Westerdahl C. Conclusion: The Maritime Cultural Landscape Revisited. *The Archaeology of Maritime Landscapes. When the Land Meets the Sea* / Edited by Ben Ford. New York, NY: Springer, 2011, pp. 331–344.
22. Kaluckov V. N. *Etnokul'turnoe landshaftovedenie* [Ethnocultural landscape science]. Moscow, Geographical faculty of MSU Press, 2011, 112 p. (In Russ.)
23. Duncan B., Gibbs M. Please God Send Me a Wreck. Responses to Shipwreck in a 19th Century Australian Community. New York, NY: Springer, 2015. 243 p.
24. Miller H. M. L. Comparing Landscapes of Transportation: Riverine-Oriented and Land-Oriented Systems in the Indus Civilization and the Mughal Empire. *Space and Spatial Analysis in Archaeology* / edited by E. C. Robertson, J. D. Seibert, D. C. Fernandez and M. U. Zender. Calgary: University of Calgary Press, 2006, pp. 281–292.